

МАРША КРАМЕР

ГЛЯДЯ НА ЧУЖУЮ СУДЬБУ,
ДУМАЙ О СВОЕЙ

ПИРАНЬЯ

Марина Крамер

Пиранья

Серия «Закон сильной.

Криминальное соло Марины Крамер»

Серия «Сердце следователя», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67945887

Пиранья: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-172971-4

Аннотация

В современном мире женщина не может позволить себе роскошь быть слабой. Героини романов Марины Крамер преодолеют любые препятствия на пути к своей цели, заставят считаться с собою каждого, кто захочет перейти им дорогу. Любовь таких женщин обжигающе горяча, а власть над мужчинами – безгранична.

Следователь Лена Крошина получает новое дело – в разных районах города найдены полусгоревшие трупы с ножевыми ранениями. Она начинает расследование, в ходе которого выясняется, что к убийствам может быть причастен сын депутата и его подружка, занимающаяся ножевым боем. Приятель Лены Андрей Паровозников тоже работает над делом о серии

нападений на квартиры бизнесменов и в какой-то момент оказывается главным подозреваемым. Сумеет ли Лена помочь ему и заодно встретить, наконец, любовь всей своей жизни?

Марина Крамер знает, на что способна женщина-искусительница. Героини её романов обладают жгучим, как чили, взглядом, и твёрдым, как сталь, характером. Но при этом они – настоящие женщины в своих милых слабостях и в стремлении к счастью. А то, что к этому счастью приходится идти через тернии невзгод и ураган пуль – это закон жанра, в котором пишет Марина Крамер. Закон дерзкой криминальной мелодрамы!

Марина Крамер

Пиранья

© Крамер М., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Огромная немецкая овчарка неспешно бежала вдоль гаражей, изредка останавливаясь и оглядываясь на идущую позади парочку – высокого парня в светлой куртке и кудрявую блондинку в голубом плащике. Девушка заливисто смеялась, откидывая назад голову, а юноша из кожи вон лез, демонстрируя остроумие. Пес ждал, пока они подойдут ближе, и снова бежал вперед, грациозно переставляя тяжелые палевые лапы. Шерсть его лоснилась, красивая породистая голова то и дело вскидывалась вверх, а чуткий нос ловил запахи. Внезапно пес словно наткнулся на какое-то невидимое препятствие возле полусгоревшего заброшенного гаража, остановился и принялся настороженно вглядываться в темную пустоту.

– Карат, ты что там нашел? – окликнул собаку парень, но пес замер, превратившись в натянутую струну, и вдруг, задрав вверх голову, протяжно и страшно завыл.

– Слава... Слава, пойдём отсюда! – вцепившись в рукав

светлой куртки своего спутника, испуганно попросила де-
вушка.

– Погоди... – Он мягко освободился от ее цепкой ручки и подошел к гаражу, возле которого, не умолкая, выл его пес. – Карат, Карат, фу! – Молодой человек взял пса за ошейник и попытался отвести от гаража, но собака уперлась и не шла, только продолжала выть.

Молодой человек шагнул к гаражу и, всмотревшись, вдруг отпрыгнул в сторону, тяжело задыхав и зажав рукой нос и рот.

– Нужно полицию вызвать, Ира, – проговорил он, хлопая себя свободной рукой по карманам куртки.

– Что... что там?

– Не подходи сюда. – Он снова бросил взгляд в темное нутро полусгоревшего гаража.

Там, среди пепла и обуглившихся досок, торчал обгоревший череп и верхняя половина тела со скрюченной рукой, похожей на черную ветку старого дерева.

Лена Крошина не любила выезжать на такие места преступлений. Но сегодня она дежурила, потому никакой возможности отвертеться не было, пришлось садиться в машину и ехать за город, в гаражный массив, откуда поступил вызов.

Уже темнело, и теплый осенний день постепенно сменялся довольно прохладным вечером, опускавшимся на город.

Лена поправила воротник плаща и перевела взгляд в окно. Они уже выехали из города и теперь свернули с трассы на грунтовую дорогу, ведущую к гаражному массиву.

– Кому нужны гаражи на выселках? – бурчал водитель, выбирая место для парковки.

– Этому массиву сто лет в обед, он принадлежал когда-то научно-исследовательскому институту. Сейчас, наверное, здесь мало кто машины оставляет, используют только подвалы, – объяснила Лена, глядя, как к машине бежит молодой полицейский с папкой в руках.

Она вышла из машины и вынула из сумки удостоверение, на ходу демонстрируя его полицейскому.

Тот взял под козырек:

– Младший лейтенант Пархоменко, местный участковый.

– Кто нашел труп? – Лена окинула взглядом оцепленные гаражи и увидела чуть поодаль парня и девушку, а у их ног – огромную немецкую овчарку.

– А вот... Самойлов Владислав и Ахромеева Ирина, – заглянув в блокнот, сказал участковый. – Они тут собаку выгуливали, вот, пес и нашел...

– Понятно. Я с ними чуть позже поговорю. Тело покажите.

Младший лейтенант только рукой махнул:

– Да какое там тело... останки... гараж выгорел почти полностью, а от трупа там только верхняя часть. Эксперт осматривает, они раньше вас приехали.

К величайшему Лениному удивлению, из гаража вышел

оперативник Андрей Паровозников и, на ходу стягивая с рук резиновые перчатки, направился к ней:

– Привет, начальница. А я думаю – кто придет гарь нюхать, а ты, значит, сама.

– А я дежурю сегодня, не знал, что ли? Что тут у вас, рассказывай.

Паровозников поморщился:

– У нас тут обгоревший труп, предположительно мужской. Левченко с экспертом осматривают. А у меня – вот. – Андрей указал на лежавший в раскрытом чемодане эксперта упакованный в пакет обгоревший кусочек пластика. – Все, что осталось от водительских прав. В лаборатории, думаю, что-то смогут разобрать.

Лена взяла пакет и попыталась прочесть хоть что-то, но не смогла.

– Нет, я не вижу, темнеет.

– Так очки, наверное, пора носить, – фыркнул Андрей.

– Майор Паровозников, вы не слишком много себе позволяете? Закончили осмотр места происшествия?

Двухметровый красавец Андрей вытянулся в струнку:

– Никак нет, работаем.

– Ну так и работайте.

Она повернулась и пошла к гаражу, где в свете фар припаркованной «дежурки» проводили осмотр эксперт Николаев и оперативник Левченко.

– А, Елена Денисовна, – подняв голову, пробасил Нико-

лаев. – Добрейший вечерочек, не находите?

– Особенно приятно место нашей встречи. Ну, что предварительно скажете?

– Пока мало. Труп мужской, возраст около сорока. Но самое интересное – зубные пломбы. И они не российского происхождения.

– То есть?

– То есть сделаны не на территории Российской Федерации. У нас пломбируют совершенно иначе. Исследую материал – скажу точно, но предварительно – нет, пломбы не наши.

– Иностранец? – спросила Лена, чувствуя, как заныло внутри – не хватало еще проблем с каким-нибудь консульством.

– Возможно.

– А у меня вон что есть! – вдруг раздался из глубины гаража радостный голос капитана Левченко.

– Что? – хором спросили Лена и Николаев, обернувшись на голос.

Левченко двумя пальцами в перчатке держал обгоревшее нечто, бывшее ранее мобильным телефоном.

– Да ты красавчик! – восхитился Паровозников, возникший в проеме ворот. – Это ж существенно облегчит нам задачу.

– Если сохранилась сим-карта, – охладил его радостный пыл Николаев. – Если нет – это просто бесполезный кусок

сгоревшего барахла.

– Никитич, ну, ты ведь сделаешь все, что надо, правда? – вкрадчиво проговорил Паровозников, наблюдая, как эксперт распечатывает очередной пакет для вещдока.

– Я тебе факир, что ли? – буркнул Николаев. – Что смогу – то сделаю.

– Есть еще что-то интересное? – Лена присела на корточки возле сгоревшего тела и внимательно всмотрелась в то, что раньше было лицом.

– Пока нет. Вы идите отсюда, Елена Денисовна, а то плащ пропахнет гарью, – сказал эксперт, возвращаясь к трупу.

– Да, начальница, ты бы лучше с молодыми людьми поговорила, поздно уже, их бы отпустить, – поддержал его Паровозников и, протянув Лене руку, помог встать.

Лену всегда удивляло то, как умеет Андрей во время работы не демонстрировать их бывшие довольно близкие отношения. Она, если вдруг сердилась, не могла сдерживать эмоций, словно проецируя прошлую жизнь с Паровозниковым на то, что происходило в настоящем моменте. «Начальницей» он звал ее и до того, как переехал в ее съемную однушку, и после того, как выехал из нее, устав «жить втроем», как он это называл.

Тень предыдущего любовника Лены, фотографа Никиты Кольцова, словно закрывала Крошиной горизонт и мешала рассмотреть того, кто был с ней рядом. Кто согласится это терпеть... вот и Андрей не выдержал. Но они сумели остать-

ся и хорошими друзьями, и коллегами, которым комфортно работается вместе. Именно Андрей настоял на том, чтобы Лена, ушедшая в адвокатуру, вернулась назад, а потом и сама Лена не дала ему уйти в частное детективное агентство, что обоим пошло только на пользу.

Парочка, обнаружившая труп, ничего толкового рассказать не смогла – просто расписали по шагам свой путь от лесного массива сюда, к гаражам, и то, как собака завывала, остолбенев у сторевших наполовину развалин.

– Вы постоянно здесь гуляете? – спросила Лена, и молодой человек отрицательно покачал головой:

– Нет, обычно мы в другую сторону ходим, там площадка для выгула, тренажеры стоят, бревна... а сегодня Карат сам сюда пошел, ну, и мы за ним.

– Красивый пес у вас. Много времени требует?

– Конечно. Но это совершенно незаметно и нетрудно, – оживился парень, и в его глазах Лена увидела столько любви к собаке, что даже слегка позавидовала красавцу Карату. – Это ведь очень благодарное существо – собака. Ему приятно отдавать, потому что он отдает в сто раз больше. Он же любит хозяина больше, чем себя, люди на такое не способны.

Лена перевела взгляд на девушку, но та совершенно спокойно слушала речь своего молодого человека и, с улыбкой глянув на Лену, объяснила:

– Я вообще не ревную, если вы об этом подумали. Карат мне как-то жизнь спас, и я его люблю почти так же, как Сла-

вик. Да и вообще... если человек способен так относиться к собаке, то это хороший человек. – Она плотнее прижалась к своему парню и посмотрела на него снизу вверх.

Тот смущенно улыбнулся и погладил девушку по руке, а пес, наблюдавший за ними, чуть вильнул хвостом.

– Ладно, молодые люди, спасибо за помощь, можете быть свободны, – сказала Лена, закрывая блокнот. – Если возникнут еще вопросы, я вас вызову.

Она проводила взглядом их удаляющиеся фигуры и вдруг поймала себя на том, что отчаянно завидует этой парочке. Сейчас они придут домой, сядут за стол на кухне, пес уляжется где-то рядом, они будут ужинать, пить чай, разговаривать... а ее никто и нигде не ждет.

Жила Крошина одна, в небольшой съемной квартирке, уютной, но все равно чужой. Отношения с матерью разладились задолго до того, как Лена пришла работать в ее адвокатское бюро, из которого мать же и попросила ее уволиться, мотивируя свою просьбу тем, что дочь не справляется с нагрузкой и не соответствует высоким стандартам, установленным Натальей Ивановной для сотрудников. Лена даже не поняла тогда, какие именно чувства испытала, а потом сообразила – облегчение. Облегчение от того, что не придется больше каждый день так или иначе контактировать с матерью. После гибели отца, в которой мать обвинила Лену, они словно отдалились друг от друга, перестали слышать и понимать. Отношения окончательно свелись к редким теле-

фонным звонкам с дежурным вопросом «как дела», и то по большей части звонила Лена, а Наталья Ивановна предпочитала этого не делать вовсе.

Отношения с мужчинами тоже не складывались, словно Кольцов наложил на нее венец безбрачия, а его незримое присутствие выживало любого мужчину, появлявшегося рядом с Крошиной. Вот и писатель-детективщик Павел Голицын не выдержал, благородно объявил себя виновником их разрыва и ушел из Лениной жизни. И тогда Крошина решила, что отношения – это не ее и стоит погрузиться в работу, где она могла принести явно больше пользы. И она почти научилась быть одна, но иногда, вот как сегодня, это одиночество напоминало о себе такими болезненными уколами в самое сердце.

– Елена Денисовна, мы закончили, – отвлек ее от внезапно навалившейся душевной тоски эксперт. – Результаты экспертизы постараюсь поскорее прислать. Можем ехать?

– Да, если закончили.

– А вы?

– А я еще тут похожу.

– Я с тобой, – заявил Паровозников тоном, не допускавшим никаких возражений и споров. – Левченко, ты с экспертом поезжай, оформи все. А мы с Еленой Денисовной тут еще посмотрим.

Лена только плечами пожала. Остаться одной, пусть и с водителем, сидящим в машине, на месте такого жестокого

убийства было страшновато, потому слова Андрея она выслушала с благодарностью, хоть вслух ничего и не произнесла.

– Как думаешь – его живьем сожгли или сперва все-таки убили? – спросила Лена, глядя в темноту сгоревшего гаража.

– Хочется надеяться, что все-таки горел уже труп, – мрачно отозвался Андрей, внимательно оглядывая ворота соседнего гаража. – Ненавижу отморозков, не понимаю, как вообще такие получаются. Набор-то генов у всех одинаковый – так почему одни становятся бандитами, а другие операми?

– Ну, ты даешь... если бы это было понятно, давно бы не было ни оперов, ни бандитов, корректировали бы еще внутренне. Надо выяснить, кому гараж принадлежит.

– Мне кажется, никому – или тому, кого уже нет. Смотри сама – все гаражи с воротами, даже те, которые явно давно не навещались, как вот этот. – Андрей кивнул на гараж справа. – Видишь, как петли заржавели? – Он поднес фонарик и осветил верхнюю петлю ворот. – А сюда приезжают, здесь такой ржавчины нет. – Луч фонарика переместился на гараж слева. – Видишь? Его регулярно открывают. А на сгоревшем гараже ворот не было вовсе, значит, им не пользовались, иначе хоть дешевые бы поставили.

– Но проверить-то нужно. Эти гаражи принадлежали научно-исследовательскому институту, значит, был список изначальных владельцев. А там уже придется выяснять, продавали гараж, кому, когда – понимаешь?

– Понимаю. Но это пустышка, Ленка. Этот гараж выбрали как раз потому, что он ничей, – уперся Паровозников, и Лена махнула рукой:

– Делай как знаешь, но список владельцев мне принеси, сама разберусь.

Они еще около получаса топтались в гаражном массиве, но больше ничего интересного не нашли.

Лена, садясь в машину, вдруг поняла, что очень замерзла, но заметила это только сейчас, оказавшись в теплом салоне «дежурки». Она поглубже засунула руки в рукава плаща, съежилась и пробормотала:

– Как назло, термос в кабинете остался...

– Почему – в кабинете? – удивился водитель, нырнув рукой под свое сиденье. – Вы ж меня просили кипятка налить, так я налил, вот.

– Костя, ты мой ангел-хранитель, – с благодарностью произнесла Лена, принимая из его рук термос с чаем. – Замерзла я...

– Так пейте чай, и поедem. Не по себе мне тут, – поежился водитель.

– Никак не привыкнешь, что ли? – съязвил Паровозников с заднего сиденья.

– Никак, – подтвердил Костя. – Да и разве можно к такому привыкнуть?

– Это ты прав... привыкать не нужно, очерствеешь, – согласно кивнул Андрей.

Остаток дежурства Лена просматривала бумаги по новому преступлению и думала, как выстроить версию. Ничего в голову не приходило, да и без результатов экспертизы двигаться в какую-то сторону было сложно. Кто этот человек, откуда он, как оказался в гараже? Что и с кем не поделил, чтобы его убили таким жутким способом? Эксперт сказал что-то насчет зубных пломб... Это, конечно, была бы хорошая зацепка – но идентифицировать останки по зубам тоже довольно непросто. А уж если убитый – иностранец, то вообще... лишняя головная боль.

К утру позвонил Николаев:

– Елена Денисовна, а вы фартовая. Убитый – гражданин Италии Николя Паретти.

– Удалось водительские права прочитать?

– Да. Но это все, что я там разобрал.

– И этого пока вполне достаточно, Алексей Никитич. Хотя... с телефоном пошло бы веселее.

– Ну, вы даете, Елена Денисовна! – захохотал Николаев. – Вам палец протяни – вы уже до плеча дотянуться пытаетесь. Я всю ночь с водительским возился, на телефон уже сил не хватило, но попробую, день-то длинный.

– Алексей Никитич, вы уж постарайтесь, а? Так не хочется «висяков», да еще иностранных, – взмолилась Лена, и эксперт вздохнул:

– Ваше дело у меня не единственное.

– Так и у меня оно не одно.

– Ладно, сейчас посмотрю, что смогу перекинуть стажеру, чтобы вашим заняться, – сдался Николаев и положил трубку.

Через час явился Паровозников, злой и всклокоченный, бросил на стол бейсболку, уселся по привычке перед Леной и принялся жаловаться на бессонную ночь и тяжелую работу. Лена не менее привычно не слушала, перебирала бумаги, и Паровозников, заметив это, хлопнул ладонью по столу:

– Никакого сочувствия!

Лена поморщилась, закрывая папку:

– Ну, точно. Ты бы хоть словарный запас расширил, что ли. Одними ведь выражениями всякий раз оперируешь, надоело.

Андрей расхохотался и встал, направляясь к окну, где за шторой стоял электрический чайник и банки с кофе и сахаром:

– Тогда я у тебя кофейком угощусь, не возражаешь?

– Сахара нет, а так не возражаю.

– Как это – нет? – заглядывая в банку, изумился Андрей.

– Да вот так же, как есть, только наоборот. Я купить забыла, а опера, разумеется, на такую щедрость никогда не сподобятся.

– Так сказала бы.

– Ну, вот говорю – а толку? Сахара все равно нет.

– Ладно, сахар – белая смерть, умирать нам рановато, обойдемся черным, – наливая в чашку кипяток, подвел итог

Паровозников. – Что эксперты? Уголька нашего не опознали?

– Если документ его, то погибший – гражданин Италии, некто Николая Паретти. Интересно, что его занесло в нашу далеко не центральную область.

– Может, работал на комбинате? Там вроде есть какие-то специалисты, надо пошуршать, – шумно отхлебнув кофе, сказал Андрей.

– Ты не проверял, заявлений о пропаже мужчин примерно его возраста не было?

– Проверял, не было.

– Нужно запросить авиакомпания, выяснить, когда и откуда он прилетел.

Паровозников картинным жестом выложил справку, в которой значились номера рейсов и даты прибытия их из Москвы. На одном из них как раз и прибыл гражданин Италии Николая Паретти. Он оказался единственным иностранцем, прилетевшим за последние несколько дней в их город.

– Не слышу аплодисментов, – заметил Андрей, пока Лена изучала содержимое справки.

Она пару раз приложила одну ладонь к другой, и оперативник, встав со стула, картинно раскланялся. Никому другому, конечно, не приходило в голову вести себя подобным образом в ее кабинете, но Паровозников был исключением. Так уж у них повелось с первого дня совместной работы.

– Значит, господин Паретти летел именно сюда, – сказала

Лена, отложив справку в сторону и открывая табло рейсов в Москву из Италии. Нужный нашелся довольно быстро, и Лена развернула монитор к Паровозникову: – Вот, из Милана. В Москве наш турист провел всего пять часов – ждал рейса, даже из аэропорта наверняка не выходил. Целью поездки был наш город, понять бы еще, что конкретно.

– Выясним, кто он по специальности, может, станет понятнее, ты бы запрос подготовила в консульство.

– Это со Шмелевым надо, прокурор-то в отпуске.

– Ну, с Николаем Ивановичем тебе всегда легче договориться, – подмигнул Андрей. – Он к тебе всегда неровно дышал.

– Глупости не говори, – поморщилась Лена.

Заместитель прокурора Николай Иванович Шмелев действительно относился к ней не так, как к остальным сотрудникам, но это выражалось лишь в посиделках после рабочего дня – Шмелев приглашал Лену выпить чаю и поболтать потечески. Именно он поддержал Крошину после самоубийства отца, когда даже мать считала ее виновной.

– Ну, ты ведь поняла, что я имел в виду. Ты бы не тянула, а прямо с утра к нему зашла, вдруг ответ получим сегодня? – напирал Паровозников, и Лена махнула рукой:

– Да сделаю. Знаешь, о чем я подумала... пока ждем ответа, можно в интернете покопаться, посмотреть соцсети – вдруг что-то найдем?

– А ты решила, что я до фига отлично читаю по-итальян-

ски? – удивился Андрей, допивая кофе. – Или что Сашка Левченко полиглот?

– Ты сперва найди, а там разберемся. Все, Андрей, допил кофе – иди работай, мне тоже есть чем заняться. И чашку за собой вымой.

– Ох, и нудная ты баба, Крошина... – Но он взял и свою чашку, и Ленину, и вышел из кабинета.

Лена шла домой, чувствуя страшную усталость.

«Кто сказал, что физический труд тяжелее умственного? – думала она, подкидывая ногой облетевшие листья. – Я после дежурства ощущаю себя грузчиком на вокзале, а ведь, казалось бы, всего лишь перебираю бумажки и разговариваю с людьми. И дома, как назло, есть нечего... а в магазин заходить просто нет сил. Может, готовое заказать? Долго... ну, вот почему я такая, никогда ничего заранее не планирую... конечно, какой мужик будет подобное терпеть? Да и черт с ними, сейчас меньше всего мне нужен был бы кто-то в квартире. Да еще и угораздило меня вчера пешком на работу пойти, сейчас бы на машине за пять минут доехала, а так...»

Холодильник был ожидаемо пуст, и Лена со вздохом закрыла дверку.

– Ну а на что я рассчитывала? Что добрая фея, пока я работаю, принесет мне пакет с продуктами из ближайшего супермаркета? – пробормотала она, вынимая из шкафчика банку с остатками спагетти. – Хорошо еще, что это есть, сва-

рю сейчас... Нет, надо как-то перестраивать ведение домашнего хозяйства, так совсем невозможно.

Вода в кастрюле бурлила, пар подбрасывал крышку, но Лена, присевшая за стол и открывшая рабочий ежедневник, этого, конечно, не слышала. Она систематизировала полученную за день информацию по новому делу и, как обычно, совершенно не замечала ничего вокруг. В итоге воду на спагетти пришлось ставить заново и заодно завести таймер, чтобы дребезжащий звук напомнил о попытке приготовить ужин. Лена умела и любила возиться в кухне, экспериментировать со вкусами и готовить что-то новое, но для себя одной делать это ей всегда было лень. Разве что в воскресенье, если не выпадало дежурство по городу, Крошина иной раз вставала к плите и устраивала настоящий пир, состоявший из нескольких блюд. Правда, потом приходилось звать в гости Андрея, чтобы плоды ее трудов не пропали в холодильнике, из которого она уже завтра забудет их достать и разогреть на ужин.

«Интересно как вышло, – думала Лена, наматывая на вилку спагетти, чуть присыпанные тертым сыром. – Потерпевший – итальянец, ужин вышел в итальянском стиле... может быть, это что-то значит? Или – нет? Что же он делал в нашем городе, зачем прилетел? Быстрее бы утро, что ли... может, придет из консульства ответ на запрос, станет хоть немного понятнее. И соцсети... Да, соцсети же!»

Эта мысль заставила Лену отложить вилку и пойти в ком-

нату за ноутбуком, который она пристроила на краю стола и вошла в одну из популярных соцсетей.

– Чего я буду ждать? Вернее – кого? У Паровозникова и так дел по горло, завтра наверняка скажет, что не успел еще, а так я сама... – бормотала Крошина, вводя в поисковик имя и фамилию убитого итальянца. – Ага, есть! – С экрана на нее смотрел симпатичный мужчина лет сорока, улыбающийся на фоне морского пейзажа.

Лена принялась пролистывать его ленту новостей, но ничего существенного для себя не нашла – футбол, вино, путешествие куда-то в Африку. Ни слова о России, никаких намеков на профессию.

– Н-да... похоже, это пустышка... – расстроено сказала Лена, закрывая страничку Паретти. – Ладно, отрицательный результат тоже результат, как ни крути. Может, завтра станет яснее...

Привычка читать что-то на ночь сохранилась у Крошиной еще с детства, и Лена не изменяла ей вот уже много лет. Книга непременно лежала на тумбочке у кровати, особенно часто в последнее время это были сборники стихов, которые Лена очень любила. Но сегодня, пошелестев страницами, она ничего «для души» не нашла, отложила книгу, выключила бра и отвернулась к стене. Перед глазами тут же встал обгоревший череп с остатками верхней челюсти, и Лена вновь щелкнула кнопкой бра.

– И мальчики горелые в глазах... – пробормотала она, са-

дьясь в постели. – Это что еще за новости, никогда мне трупы спать не мешали, старею, что ли?

Она снова схватилась за книгу, надеясь, что это поможет отвлечься и уснуть, однако отвратительная картина не исчезала. Пришлось встать, выйти в кухню и сделать ромашковый чай, который обычно помогал расслабиться. Но уснуть Лене удалось только к утру, потому трезвон механического будильника она восприняла с особенным раздражением.

– Черт бы тебя побрал. – Хлопнув рукой по кнопке, Лена села, чувствуя, как кружится голова от усталости. – Лучше бы совсем не ложилась, буду теперь как осенняя муха весь день...

– Впервые за все время работы со мной такое, – пожаловалась она пришедшему с докладом Паровозникову. – Представляешь – только глаза закрыла, и бац! Оскал этот обгоревший... – Лена передернула плечами и зажмурилась.

– Ну, все бывает, подруга. Ничего, сегодня к вечеру устанешь – уснешь даже стоя, уж поверь старому оперу.

– Очень надеюсь уснуть все-таки дома, в постели... а ты что-то мне принес?

– Сахар, – коротко бросил Паровозников и картинным жестом вынул из кармана куртки квадратную коробочку рафинада. – Это, так сказать, от оперативников тебе, чтоб не думала, что мы жлобы.

– Да я и не думала. Но за сахар спасибо, я забыла со-

всем... – Лена убрала коробку за штору и вернулась за стол. – А кроме сахара?

– А кроме сахара, подруга, есть вот такая информация... – Андрей открыл коричневую потертую папку, с которой не расставался, и положил перед Крошиной листок.

Она быстро пробежала его глазами и вздохнула:

– Выходит, версия с работой на комбинате отпала. Печально. Что будем делать?

– Искать – что еще? Я, кстати, вечером покопался в интернете.

– Да я тоже покопалась. Ничего интересного.

– То есть?

– Ну, соцсети пустые почти, там какая-то ерунда мужская – футбол, поездки, ничего такого, что могло бы нам как-то помочь.

Паровозников внимательно слушал, перекинув ногу на ногу, а потом покачал головой:

– Примитивно ты мыслишь, Елена Денисовна. Ну что еще должен писать в соцсетях мужик? Если он не журналист и не какой-то публичный деятель? А я вот с другой стороны зашел.

– Это с какой же? – Лена почувствовала себя уязвленной.

– С сайтов знакомств, подруга. Николая мужик в самом, так сказать, соку, не наследный, конечно, принц, но для наших баб и турецкий шашлычник уже олигарх. А тут – итальянец, с собственным домом, путешествия любит. Огонь

же.

– Фу! Неужели кто-то до сих пор ведется на такое и ищет счастья в интернете?

– Ну, не все помешаны на работе, как некоторые. Так вот... на одном из таких сайтов я нашел профиль нашего Казановы. И знаешь, что любопытно? Что все женские профили, которые у него в друзьях, строго из России. Ну, то есть никаких итальянок, испанок, немок – никого, только русские девки разных возрастов. Преимущественно, правда, молоденькие – до двадцати шести.

– И? – загорелась Лена, чувствуя, что главную сенсацию Паровозников приберегает на финал, как обычно.

– И... – Он снова полез в свою папку и вынул из нее распечатку страницы. – Читай.

Взяв листок, Крошина увидела черно-белую мутноватую фотографию молодой блондинки, и здание за ее спиной показалось Лене знакомым. Переведя взгляд на текст, она убедилась в своей правоте – в графе «Место жительства» значился их город, а здание было Оперным театром.

– Та-ак... дамочку надо искать, и срочно. Может, они успели встретиться?

– Левченко поехал уже.

– Молодцы, соображаете.

– Ну, майора просто так не дают, – хохотнул Андрей. – Саня ее сюда привезет, я подумал, что ты захочешь сама с ней поговорить.

– Андрюшка, ты просто чудо! – Лена обошла стол и чмокнула Паровозникова в щеку.

– С тебя ужин тогда, – тут же воспользовался ситуацией Андрей.

– Нахал! Я не спала две ночи, между прочим.

– Так ты ужин приготовь и ложись, мне за столом компания в принципе не очень нужна. А я потом посуду вымою и уйду тихонько.

– Совсем ты обнаглел, Андрюша, – вздохнула Лена, возвращаясь за стол. – Пользуешься тем, что я к тебе хорошо отношусь...

– Так что – договорились?

– О чем?

– Ленка! Ну, об ужине, конечно. Девку тебе Левченко и так привезет.

Крошина вздохнула:

– Шантажист. Ладно, что хочешь?

– Рыбу. Просто в духовку сунь в фольге, чтоб возиться меньше, я ж понимаю, что дома тебя совсем разморит. А рыба – это быстро и почти без хлопот.

– Ага – если дома живая плавает. А так еще в супермаркет придется заезжать, – пожаловалась Лена, но Паровозников остался глух к ее словам:

– Все, начальница, я поскакал дальше. Опера, как известно, ноги кормят. Часиков в восемь я у тебя, как договорились.

Он ушел, а Лена принялась ждать Левченко с девушкой с сайта знакомств.

Анна Веткина оказалась миловидной блондинкой, среднего роста, но стройной, с длинными ногами и хорошей фигурой.

Лена окинула ее беглым взглядом и предложила присаживаться. Анна не выглядела ни обеспокоенной, ни взволнованной – спокойно села, перекинула ногу на ногу и спросила:

– Простите, а по какому поводу я оказалась в столь серьезном заведении?

– А вам сотрудник не объяснил?

– Нет. Сказал только, что меня вызывают для беседы к следователю.

– И вас совершенно не заинтересовало, по какой причине вас к следователю везут?

Анна пожала плечами:

– Мало ли... сейчас такая жизнь. У меня вот недавно сосед умер, так тоже полицейские попросили присутствовать – вроде как понятой, что ли, пока они квартиру вскрывали.

– Крепкие нервы у вас, Анна Дмитриевна.

– Не жалуюсь. Я ножевым боем занимаюсь, там нервы мешают.

– Ножевым боем? – удивилась Лена. – Но это же...

– Да, согласна, не женский спорт. Но я с детства холодное оружие люблю, а когда выросла – вот в секцию пошла.

– И давно?

– Да, лет пять уже. Но разве вы меня для этого вызвали?

Секция официальная, все оформлено.

– Нет, дело не в секции. Скажите, Анна Дмитриевна, вы знакомы с человеком по имени Николая Паретти?

В глазах девушки мелькнуло что-то, похожее на легкое беспокойство, но ответила она совершенно спокойно:

– Да. Мы познакомились в интернете, переписывались.

– А сейчас? Переписываетесь?

– Ну разумеется. Он даже приезжал ко мне.

Лена почувствовала, как рушится очередная версия, которую они с Паровозниковым считали перспективной. Иностранец знакомится с девушкой в интернете, приезжает к ней, она его разводит на деньги, а кто-то из дружков его убивает. Но Веткаина так легко призналась в том, что итальянец к ней приезжал, что это не оставляло никаких сомнений – девушка к его смерти отношения не имеет, иначе скрывала бы и факт знакомства, и тем более его визит.

– И... как вы проводили время?

– Гуляли. Я его в заповедник свозила – он в восторге остался, все фотографировал.

– И когда он улетел?

Веткаина чуть наморщила лоб:

– Погодите... да неделю назад. Точно, пятнадцатого числа. Я так хорошо дату помню, потому что в этот день у моей мамы день рождения... был, – проговорила она, чуть запнув-

шись, и на секунду опустив глаза. – Пятнадцатого и улетел. Я, правда, проводить его не смогла, с работы не отпустили.

– И он вам писал после отъезда?

– Знаете, пока нет. Сама удивляюсь – обычно мы каждый день списывались, а тут... Но он вроде говорил, что собирается в Африку, может, сразу и уехал. Он сдвинут на африканских пустынях, регулярно туда ездит, не понимаю, правда, зачем, – пожалала плечами Веткина.

– А здесь, в городе, вы его познакомили с кем-то?

– Нет. А зачем? Нам и вдвоем было неплохо.

– Извините меня за бестактный вопрос, Анна Дмитриевна, но я должна его задать... – начала Лена, и Веткина сразу перебила:

– Нет. Никакого интима у меня с ним не было, я не девочка по вызову и не потенциальная «жена в посылке». Мы действительно просто дружили, и Ник заинтересовался нашей природой и страной, его интересует русская культура, книги... спросил, может ли приехать. Ну а почему нет? Я ему сразу обозначила, что никакого интима не будет. – В ее голосе слышалось неподдельное возмущение, и Лена поспешила свернуть в другую сторону:

– Спасибо, мне все понятно. Значит, после отъезда он вам не написал... ну что ж, это не удивительно. Должна вам сказать, Анна Дмитриевна, что ваш приятель Николя Паретти был убит в нашем городе и никуда не улетел пятнадцатого числа.

Веткина уставилась на Лену совершенно пустым взглядом, как будто прихлопнутая ее словами, и через секунду заплакала:

– Господи... так вот почему... а я думала, что обидела его чем-то... а он...

– Я вам сочувствую, Анна Дмитриевна. Но мне нужно раскрыть убийство, потому еще пару вопросов задам. Господин Паретти не рассказывал вам о своих планах? Он не собирался встретиться с кем-то еще в нашем городе?

– Нет-нет... не знаю... не говорил... – всхлипнула Веткина, роясь в сумочке в поисках платка. – Мы провели вместе три дня... буквально с утра до вечера... гуляли... в заповедник вот ездили, потом в театре были, обсуждали Достоевского... он ни с кем... господа, да что же это...

– Анна Дмитриевна, я понимаю, вам нелегко принять факт, что ваш знакомый погиб. Но постарайтесь сосредоточиться и помочь мне, тогда я смогу найти того, кто его убил, и довести дело до суда, – мягко сказала Лена, с сочувствием глядя на расстроенную плачущую девушку.

– Но я... ничего не знаю больше, честное слово! Я бы сказала... – И она заплакала еще сильнее, некрасиво шмыгая носом.

Крошина поняла, что больше ничего от нее не добьется, а значит, нет смысла терять время. Подписав девушке пропуск, она закрыла дверь кабинета, сделала кофе и, присев с чашкой в руке на край подоконника, задумчиво уставилась

вниз, на улицу.

«Интересно получается, – думала Лена, глядя на усыпанный желтыми листьями тротуар под окном. – Итальянец едет в нашу глушь для того, чтобы просто полюбоваться красотами? Ему не с кем обсудить Достоевского, кроме как с девушкой с сайта знакомств? В театр сходить не с кем и негде, кроме как в российской глубинке? Логичнее для этого в Москву поехать, в Санкт-Петербург... Встречается с молодой девушкой, которая не стремится забраться к нему в постель и уехать с ним в Италию? Такие платонические отношения сперва на расстоянии, что понятно, а затем и здесь, когда находишься рядом? Я как-то иначе вижу мир, что ли? Или за столько лет на следствии просто разучилась верить в людей? Ну ведь мог же этот Паретти в самом деле просто заинтересоваться природой и заодно посмотреть, как у нас в театре Достоевского ставят? А убить его могли совершенно случайно – мало ли кругом отморожков? И девушка эта, Анна Веткина, тут вообще ни при чем? Тогда кто – причем? Или я расстроилась, что рухнула такая сладкая версия об убийстве из корыстных побуждений? Надо, кстати, сказать Андрею, чтобы отследил движение денежных средств по счетам этого Паретти. Если у него карты пропали – а они наверняка были – то, может, кто-то попытается деньги снять. Пин-коды, правда... Но мало ли...»

Она отставила чашку, из которой не сделала ни глотка, и взяла телефонную трубку.

Паровозников долго не отвечал, и Лена едва не сбросила звонок, устав ждать, но услышала недовольный голос Андрея:

– Ну, чего трезвонишь? Я на трупе.

– На каком еще трупе?

– Ленка, ты чего? Я так-то не в супермаркете работаю. Труп обнаружен в мусорном контейнере за торговым центром, и, что характерно, наполовину обгоревший. Ничего не напоминает?

– Диктуй адрес, я сейчас приеду, – на ходу хватая сумку и плащ с вешалки, потребовала Лена.

Правая сторона торгового центра «Раздолье» была оцеплена, и Лене пришлось предъявить удостоверение, чтобы попасть за ленту. Николаев со стажером осматривали нечто в мусорном баке, рядом толкался Левченко, а чуть поодаль Паровозников разговаривал с женщиной в темно-коричневом костюме. Мужчина заметно нервничал, то и дело вытирал пот со лба и переминался с ноги на ногу. Почти двухметровый Паровозников в повернутой назад козырьком бейсболке нависал над ним, как огромное дерево, и собеседник его все время задирал вверх голову, что придавало ему какой-то заискивающий вид.

– Следователь где? – спросила Лена, подойдя к ним.

– Опрашивает дворника.

– А кто?

– Петька Крашенинников.

– Прекрасно. Похоже, ему повезло, и дело это мне перекинут, очень уж почерк похож.

– Вы бы, Елена Денисовна, пока прогулялись, место преступления осмотрели, а мы тут с Валерием Борисовичем закончим беседу, и я к вам присоединюсь, – с нажимом попросил Андрей, и Лена поняла, что помешала ему.

Пришлось присоединиться к Николаеву и его стажеру, что Лену совершенно не обрадовало. Похоже, что и сегодня ночью ей предстоит мучиться от кошмарных картинок перед глазами.

– Что, Елена Денисовна, снова-здорово? – Николаев рукой в перчатке приподнял обгоревший череп. – Такое впечатление, что я уже где-то такое видел. А вы?

– Шутите, Алексей Никитич? Я сегодня ночь не спала, такое забудешь... – Она поежилась. – Что по этому труп?

– Пока ничего, кроме того, что труп мужской.

– Надеюсь, этот хоть не иностранец, – заметила Лена, и Николаев махнул свободной рукой:

– Да какая разница-то? Обгорели одинаково...

– Ничего интересного при нем не нашли?

– Нет. И вообще, похоже, его не здесь сожгли, а привезли и бросили то, что осталось. В контейнере никаких следов гари, только то, что с тела насыпалось.

– Это что ж за отморозки такие, что обгоревший труп везли до мусорного бака? В машину же потом не сесть – про-

пахнет.

– А я бы для этого тачку угнал, а потом тоже сжег, – изрек вдруг стажер, и Лена с Николаевым одновременно переспросили:

– Что?

– Ну, как... – смутился стажер. – Смотрите сами. В машине копоть, запах... куда-то на мойку гнать – лишние вопросы. А так... прихватил первую попавшуюся машину, потом отогнал ее на пустырь и спалил. Концы в воду.

– А нет ли у вас, юноша, криминальных задатков? – сдвинув очки на кончик крупного носа, спросил Николаев, внимательно рассматривая стажера.

– Почему сразу – криминальных? – заступилась Лена, которой стало жалко смутившегося от собственной дерзости парня. – Наоборот. У молодого человека... кстати, как вас зовут, юный гений?

– Миша... Михаил Владимирович Желтов.

– Так вот, у Михаила Владимировича Желтова есть хорошее чутье. И эту версию я непременно отработаю, она вполне перспективна.

Лицо и уши Михаила Владимировича сделались пунцовыми, он опустил глаза и внимательно изучал асфальт под ногами.

– Ладно, гений сыска, пока ты еще мой стажер, дописывай протокол, – распорядился эксперт, – а то мы так до ночи провозимся.

– Ну, не буду мешать, – сказала Лена, – пойду Крашенинникова поищу, а вы мне потом материалы отправьте, сравню с тем, что по первому трупу имеем.

Следователь Петр Крашенинников, молодой широкоплечий парень в светлой куртке и синих джинсах, сидел на крыльце, ведущем в подсобные помещения торгового центра, и беседовал с мужчиной в оранжевой спецовке. Тот беспрестанно качал головой направо-налево и перебирал одной рукой пальцы на другой, словно пересчитывал и не мог определиться с количеством.

– Добрый день, Елена Денисовна, – поприветствовал Лену следователь, оторвавшись от протокола. – И вас вызвали?

– Нет, я сама приехала, у меня похожий труп. Свидетелей, конечно, нет?

– Нет. А вот Нурсултан обнаружил в контейнере то, что раньше было человеком, и сразу в полицию кинулся. Верно, Нурсултан? – Дворник кивнул и снова закачался, как китайский болванчик. – А у вас что?

– А у нас позавчера вечером в гаражах за городом молодая пара с собакой нашла примерно такие же останки. В общем, как закончите тут, подъезжайте ко мне, сравним и подумаем.

Петр шуточно взял под козырек и опять повернулся к дворнику. Лена снова пошла к экспертам, и Николаев, поманив ее пальцем, негромко сказал:

– А знаете, Елена Денисовна, тут ведь еще вот какая шту-

ка... у первого погорельца обнаружены колото-резаные раны грудной клетки – аккурат между четвертым и пятым ребром справа и между вторым и третьим и опять-таки четвертым и пятым ребрами слева. Нанесены предположительно ножом с широким режущим полотном. И здесь при беглом осмотре то же самое, даже в тех же точках. Подробнее в морге посмотрю, но тенденция мне не нравится.

– Понятно... значит, колото-резаные...

– Нанесены довольно профессионально, кстати, нож вошел плоско между ребер, кости не задеты, а сила удара приличная.

Лена вынула блокнот и сделала пару пометок:

– Алексей Никитич, а нож примерно какой, как вы думаете?

– Скорее всего десантный, Елена Денисовна. Там зазубрины на конце лезвия...

– Тип девяносто пять, – вдруг сказал Миша, упаковывавший останки в черный пакет.

– Что? – повернулась к нему Лена, и стажер продолжил:

– Боевой нож китайского спецназа, тип девяносто пять, длина клинка двести миллиметров, толщина пять, ширина тридцать семь, вес около двухсот десяти граммов.

– И откуда такие глубокие познания в холодном оружии китайских вооруженных сил? – поинтересовалась Крошина, подробно записав все, что сказал Миша.

– Занимаюсь ножевым боем.

«Где-то я уже слышала эту фразу, – напряглась Лена, не любившая совпадений в принципе. – Так... ну, точно – от этой девушки, Веткиной. Она так и сказала – занимаюсь, мол, ножевым боем. Интересно...»

– Скажите, Миша, а по чистой случайности вы не знакомы с девушкой по имени Аня Веткина?

– Нет. А должен?

– Я подумала, что вы в одной секции занимаетесь.

– Ну что вы, Елена Денисовна, таких секций в городе несколько. Но по уровню они все очень разные, если честно, – сказал Миша, стягивая с рук резиновые перчатки. – Теперь ведь это просто – зарегистрировал школу ножевого боя, назвался инструктором – и собирай денежки. А уж чему и как ты там учишь – кто проверит? Вот и развелось шарлатанов... мой, к примеру, тренер всю жизнь прослужил в спецподразделении «Вымпел», подполковник в отставке, боевых наград имеет целый иконостас. У нас кодекс на стене в зале висит – что можно, чего нельзя. И отбор у нас тоже есть, Виктор Петрович не берет малолетних, тех, кто на учете состоит, судимых, пьющих – понимаете? Кстати, девушек тоже не берет.

– Понятно. А вы можете меня познакомить со своим тренером? У меня есть к нему несколько вопросов.

– Запросто. – Миша пожал плечами. – В пятницу в семь у меня тренировка, клуб при конфетной фабрике знаете?

– Да, знаю.

– Ну, приходите часам к восьми, я вахтера предупрежу. Мы занимаемся до половины девятого, но вам, наверное, интересно будет посмотреть, как все проходит? А потом Петрович с вами поговорит, он точно не откажется, ручаюсь – сам ведь служил, – вздохнул говорил Миша, и Лена даже позавидовала ему – настолько увлекаться чем-то ей было не свойственно.

– Хорошо, Миша, я приду. Спасибо за помощь. – И стажер снова смутился и покраснел. – Алексей Никитич, мне бы до завтра пару фотографий с видами повреждений – сделаете?

– Сделаем, Елена Денисовна. Заодно и этого отработаем, вдруг тоже есть. Не хочу здесь в горелое залезать, вдруг ткани развалятся.

– Да, до завтра это терпит. Ну, я поехала тогда?

– Конечно, – сказал подошедший сзади Крашенинников. – Я сам закончу, материалы привезу.

– Спасибо, Петя.

В кабинете было душно, Лена открыла окно, и легкий ветерок, ворвавшийся в распахнутую створку, тут же снес на пол лежавшие на столе листы.

– Почему мои попытки создать себе комфорт всегда связаны с уборкой? – пробормотала она, собирая разлетевшиеся по всему кабинету протоколы и чистые формуляры. – Как будто мое призвание не следствие, а наведение порядка...

– Вызываешь духов? – В кабинет вошел Андрей, и открывшаяся дверь усилила сквозняк, от чего еще не попав-

шие в руки Крошиной листы снова закружились по полу.

– Да чтоб тебя... – чертыхнулась Лена, устремляясь за ними и теряя равновесие. Шлепнувшись на колено, она охнула и села прямо на пол. – Ну, только этого не хватало, – пробормотала она, разглядывая дыру на колготках.

Паровозников закрыл дверь, проворно собрал оставшиеся бумаги и, бросив их на стол, подал Лене руку:

– Вставай.

– Вот как теперь домой идти?

– Ой, да успокойся, довезу, – пообещал Паровозников. – Все равно ведь ужин обещала.

Лена закатила глаза:

– Слушай... давай не сегодня, а? Устала – жуть... и труп этот еще...

– Н-да... жареного не хочется, ты права.

– Андрей!

– Да что я сказал-то? И вообще... ты нервная какая-то стала, не замечаешь?

Он прошел к окну, закрыл его и шелкнул кнопкой чайника. Лена, перестав рассматривать испорченные колготки, уселась за стол и придвинула к себе папку с делом Паретти.

– Что расскажешь?

– Пока особенно нечего. На всякий случай пустил наружку за Веткиной.

– Зачем еще?

– Не нравится она мне. Мне вообще не нравятся девки,

вылавливающие в Сети иностранцев. Вот честно – неужели ты думаешь, что эти бредни по поводу общей любви к русской культуре имеют под собой хоть каплю истины? – Андрей насыпал в чашку пару ложек кофе, залил кипятком и, помешивая ложкой напиток, уселся на край подоконника.

– Почему нет?

– Ты серьезно? Допрашивала ведь ее.

– И что?

– Ленка, ну ты как маленькая. У нее на лице написано, что последней книгой, которую эта Веткина прочитала, был букварь. И было это очень давно. А о театрах она знает только по названиям автобусных остановок.

– Это ты из чего такой вывод сделал?

Андрей отхлебнул кофе и вынул из кармана блокнот:

– Веткина Анна Дмитриевна у нас по образованию штукатур-маляр третьего разряда, окончила профессиональное училище номер три города Климовска, переехала в наш город сразу после окончания, работала на стройке отделочницей. Два года назад уволилась, болталась полгода без работы, потом устроилась помощником референта в фирму по продаже оргтехники. Ты знаешь, кто такой помощник референта? Это девушка, которая варит кофе и складывает документы в папки. Ну, может, еще выполняет мелкие поручения – типа курьерской доставки. Где в этой биографии Достоевский и Станиславский?

– То есть ты не допускаешь, что интересоваться искус-

ством она может в нерабочее время? Ты что, по диплому о среднеспециальном образовании сделал такой вывод? – поморщилась Лена. – Это, знаешь ли...

– В свободное от работы время Анна Дмитриевна Веткина трется в одном спортивном клубе, где обучают ножевому бою, подруга. Владеет этим клубом некто Карманов Виталий Егорович. Фамилия ни о чем не говорит?

Фамилия Лене ни о чем не говорила, она честно попыталась напрячь память, но так ничего и не вспомнила.

– Ладно, сдаюсь. Кто это?

– Да сам-то он никто по сути, так – мажор избалованный, куча штрафов за превышение скорости и езду в нетрезвом состоянии. Но вот папа у нас – Карманов Егор Витальевич, депутат Госдумы от нашей области. Стыдно, дорогая, в твоём-то чине таких вещей не знать, – ухмыльнулся Андрей, отставляя кружку на подоконник.

Лена сжала пальцами переносицу и зажмурилась:

– Не понимаю, какая тут связь.

– Ну, ты хочешь сказать, что девушка, увлеченная Достоевским и театром, свободное время будет проводить в клубе, где до фига холодного оружия и учат им владеть? Да еще и владелец такой законопослушный. Кстати, она там единственная девица, вот так-то. А еще сторож здания, где клуб этот расположен, утверждает, что не раз видел, как уезжала она из клуба после тренировок именно с гражданином Кармановым на его спортивной дорогушей тачке.

– А говоришь – нечего рассказывать, – пробормотала Лена.

– Молодец я, что наружку приставил?

– Молодец... только что нам это может дать? Что она состоит с этим Кармановым в связи? Так это вроде не преступление.

– Само по себе – конечно, нет. Но вот ножевые раны на трупе...

– Не притягивай за уши.

Паровозников картинно закатил глаза, давая понять, что Лена опять отвергла его гениальную версию. Крошина поморщилась:

– Ну что? Скажешь, не так? Не всякий, кто владеет ножом, способен этим самым ножом кого-то убить. И вообще... С чего мы взяли, что Веткина им владеет, а? По умолчанию?

– То есть? – удивленно вытаращил глаза Андрей. – Девка посещает тренировки – и не знает, что нож берут за рукоятку, а не за лезвие? Ты совсем-то не заговаривайся.

– Андрей, – терпеливо проговорила Лена, глядя на оперативника в упор, – мы с тобой знаем только то, что Веткина посещает этот клуб. Что она делает там – мы пока достоверно знать не можем. Вдруг просто на скамейке сидит и с обожанием смотрит на кого-то из занимающихся? На того же Карманова, например?

Паровозников махнул рукой и встал:

– Все, я понял. Когда тебе нужно, чтобы я ушел, ты начи-

наешь гнать вот такую пургу. А могла просто сказать: «Майор Паровозников, покиньте помещение».

– Да при чем тут... – Но он перебил:

– Да при всем. Закончишь – звони, до дома довезу.

Андрей вышел из кабинета, и Лена поняла, что обидела его. Действительно, какого черта начала упираться и гордиться эту чушь про неумение Веткиной владеть ножом? Та ведь сама сказала – занимаюсь, мол. Наверное, Андрей прав, и Лена начинала отвергать его версии ровно в тот момент, когда хотела избавиться от его присутствия.

«Интересно, почему он никогда не обижается на меня настолько, чтобы вообще перестать разговаривать? – думала она, глядя в окно. – Ладно – работа, хотя и тут можно избежать столкновений при желании, но почему он не перестает со мной общаться? Юлька бы сейчас сказала – он тебя любит, а ты идиотка».

Юлия Воронкова, известная сериальная актриса, была Лениной подругой еще со школы, знала о жизни Крошиной все и даже чуть больше, потому никогда не стеснялась в выражениях и говорила в глаза все, что думает. Разрыв с Андреем Юлька осуждала горячо и пыталась убедить Лену сделать первый шаг к воссоединению, но та уперлась, хотя даже себе не могла четко объяснить причину этого упрямства.

Жить с Паровозниковым было вполне комфортно, хотя порой он пытался намекнуть Лене, что объем выливаемой на его голову заботы нужно бы сократить. Однако Крошина бы-

ла так устроена – ей хотелось заполнять собой все пространство в жизни мужчины, не занятое работой, а в случае с Андреем – и рабочее тоже. Юлька не раз говорила, что невозможно так душить мужчину заботой и вниманием, этого не в состоянии выдержать никто – собственно, так и было. Даже зацикленный на себе нарцисс Никита Кольцов не смог терпеть Лениных попыток окружить его максимальной заботой, что уж говорить о Паровозникове, который привык все и всегда решать сам...

– Да и черт с ними, – вздохнула Лена, отвлекаясь от нерабочих мыслей. – На мужиках свет клином не сошелся, в конце концов. Почему я должна себя менять? Я себе комфорта хочу в первую очередь, а мой комфорт – такой, мне надо быть для кого-то смыслом жизни, а не скрашивать досуг в свободное от всего остального время.

Но глубоко в душе Крошина уже не была так уверена в своей правоте...

Вдруг выглянуло солнце. Для осени в их регионе это было весьма редким явлением – чтобы вот так ярко и даже обжигающе с самого утра светило в окно, словно намекая на предстоящий хороший день. Лена, разбуженная солнечным лучом, зажмурилась, потянулась в постели и села, нашаривая рукой телефон на тумбочке.

– Еще полчаса можно было спать... – простонала она вслух, но вдруг подумала, что в такой теплый день лучше бы

выйти пораньше и прогуляться до работы пешком.

Решительно откинув одеяло, она прошлепала в ванную, быстро закончила все утренние процедуры и принялась варить кофе и готовить завтрак.

В последнее время Лена приучила себя делать это, хотя прежде обходилась чашкой кофе с молоком.

«Пирог, что ли, вечером испечь? – думала Крошина, помешивая овсянку в кастрюльке. – А что... можно с дрожжевым тестом не заморачиваться, сделать просто заливной, тоже вкусно».

Однако на смену мыслям о пироге тут же подкралась другая – о том, что размер одежды за последний год изменился в сторону увеличения, и этот факт Лену очень печалил. Она никогда не была худой, но и назвать ее пышкой было бы преувеличением, однако то, что любимые джинсы перестали застегиваться, а «молния» на форменной юбке предательски топорщилась и грозила разъехаться в самый неподходящий момент, убеждало Лену отказаться от пирога на ночь.

– Не представляю, как Юлька всю жизнь ест и не поправляется, – вздохнула Лена, глядя на свое отражение в стеклянной дверце посудного шкафа. – Ведьма, не иначе...

Сегодня же Крошиной пришлось пропустить не только планировавшийся ужин, но и завтрак. Едва она села за стол, как зазвонил телефон – это оказался Андрей.

– Ты еще дома? – спросил он без всяких приветствий.

– Да, а что случилось?

– Выходи, заеду через десять минут, у нас опять труп.

Бросив полный сожаления взгляд на тарелку с овсянкой, Лена наскоро выпила кофе и, прихватив с вешалки в прихожей плащ и сумку, вышла из квартиры. На ходу пытаясь попасть в рукав и стараясь при этом не уронить зажатую локтем сумку, она спустилась по лестнице и толкнула подъездную дверь.

Пришлось зажмуриться – солнце светило совершенно полетному, и вместо плаща стоило прихватить очки, однако возвращаться времени уже не было – во двор въехала машина Паровозникова.

– Что за труп? – поинтересовалась Лена, усаживаясь на переднее сиденье.

– Не знаю, – буркнул Андрей, – не видел еще.

– А где?

– На свалке.

– Где?!

– Ты же слышала.

Лена бросила тоскливый взгляд на свои туфли.

– Ты бы хоть предупредил, что ли...

– У меня в багажнике сапоги резиновые валяются, их наденешь.

Крошина не стала говорить, что ее тридцать шестой размер никак не сопоставим с сорок пятым Андрея – в конце концов, она не на танцы в этих сапогах, потерпит. Все лучше, чем бродить по горам мусора в туфлях на каблуке, пусть

и невысоком...

– Больше никаких подробностей? – спросила она, и Паровозников пожал плечами:

– У меня – нет, а там вроде Петька должен уже быть, он дежурит.

– Ты чего такой злой с утра?

– Не выспался.

– А-а...

Лена замолчала, глядя в окошко. Солнечное утро, подарившее надежду на хороший день, оказалось всего лишь миражом – сейчас придется неизвестно сколько времени провести на свалке, стараясь не дышать глубоко, осматривать непонятный труп – и все это под аккомпанемент карканья стай ворон, коих на свалке водилось великое множество. Так себе денек...

С трудом переставляя ноги в здоровенных резиновых сапогах, Крошина шла за Андреем, стараясь не сильно отставать – ей было не по себе на этой огромной территории, заваленной мыслимым и немыслимым мусором. Откуда-то издалека слышался собачий лай – бездомных псов здесь тоже хватало.

Наконец, они увидели полицейского в медицинской маске – видимо, таким образом парень пытался хоть как-то защититься от отвратительного запаха.

Паровозников ткнул в его сторону «корочками», Лена то-

же вынула из кармана удостоверение, и парень указал рукой направление:

– Еще метров двести, увидите металлический гараж, так вот возле него. Следователь и эксперты там.

Крашенинников, Николаев и его стажер Миша действительно были возле обшарпанного гаража. Там же крутился мужчина в мятом костюме с портфелем под мышкой, а чуть поодаль прямо на куче мусора сидели два бомжа и о чем-то тихо переговаривались.

– Картина протухшим маслом, – изрек Андрей, оглядывая место.

– Здравсте, Елена Денисовна. – Подошедший Крашенинников выглядел уставшим, видимо, ночью даже не прилег.

– Рассказывайте.

– Труп принадлежит мужчине, возраст эксперт определить пока не смог – тело сильно обгорело. Убит не здесь, следы волочения ведут в сторону дороги – во-он туда, – рукой указал направление Петр. – А вот сжечь его пытались здесь. Вот по дыму эти ребята и обнаружили тело. – Он кивнул в сторону бомжей. – Случилось это ориентировочно около трех часов ночи. Собственно, все.

– А что скажут специалисты? – Лена посмотрела на сидевшего возле трупа на корточках Николаева, и тот пожал плечами:

– Только то, что тело сильно обуглилось. Но вот в области грудной клетки пять отчетливых ран, предполагаю – от ножа.

А Михаил настаивает, что орудие убийства то же, что и в прошлый раз.

– Нож китайского спецназа?

– Да.

– Там зазубрины на лезвии, – подал голос Миша. – При выдергивании лезвия из нанесенной раны остается не ровный край, а как бы рваный.

– Да, вы говорили в прошлый раз, я помню. Андрей Александрович, надо бы поискать, где у нас торгуют подобными вещами, – повернулась она к Паровозникову.

– Я тогда поехал, – отозвался Андрей. – И примерно с месяц меня не дергать.

– Почему это?

– Да потому это. Интернет – слышала такое слово? Наверняка такие вещи покупаются именно там. В оружейном магазине нужно паспорт показать, документики разные – разрешение, например. Сама подумай – кто вменяемый будет это делать?

– Но ведь необязательно оружие приобретается для совершения убийства, правда? Могли купить для подарка.

– Боевой-то нож? Говорю ведь – все, у чего длина лезвия более девяноста миллиметров и есть еще ряд признаков, считается холодным оружием и требует наличия разрешения. Такие ножи сертификацию проходят в экспертно-криминалистическом центре, не знала? Там дается заключение эксперта и сертификат на партию или конкретное изделие. –

Андрей вынул сигареты. – Так что вряд ли, гражданка начальница, мои походы в оружейные магазины что-то нам дадут.

– А вы все равно попробуйте, – настойчиво сказала Лена, сделав упор на официальное «вы», чтобы Паровозников прекратил пререкаться.

Тот шутливо козырнул:

– Слушаюсь. Закончим здесь – поеду.

– В городе всего два официальных оружейных магазина, не перетрудишься.

– А хочешь, скажу, сколько нелегальных лавок?

– Не хочу. Просто отработай – и все.

– Примерно хоть что ищем-то?

– Миша, расскажите Андрею Александровичу то, что говорили мне в прошлый раз, – попросила Лена, направляясь к трупу.

Пока Паровозников записывал в блокнот характеристики предполагаемого орудия убийства, Лена внимательно осмотрела обгоревшее тело – оно выглядело почти так же, как два предыдущих, и раны на груди были похожи. Следы волочения были видны отчетливо – настоящая дорога, видимо, труп оказался тяжелым для убийцы.

– Или их было несколько, – сказал Николаев.

– Я вслух, что ли?

– Бывает, – усмехнулся эксперт. – Но скорее всего убийца был не один. Раны нанесены разными руками и с разной си-

лой – видите, вот эта, например, глубокая, а правее – почти поверхностная? И угол удара другой, как будто человек, ее наносивший, ниже ростом, чем тот, кто нанес первую.

– А на предыдущих двух трупах было так же?

– На теле итальянца нет, а вот на том, что в баке у торгового центра – да, так же. Отчет я написал.

– А как вы думаете, какой из трупов был первым?

– Итальянец, тут даже сомнений быть не может.

– А вот чисто теоретически... женщина могла нанести такой удар? – почему-то вспомнив свой спор с Андреем, спросила Лена, но эксперт покачал головой:

– Не думаю. Удар довольно сильный. Женщина должна быть в ярости, чтобы так ударить.

– Погодите, – вмешался писавший протокол Крашенинников, – а не могут быть эти трупы попыткой спрятать убийство?

– Замаскировать одно убийство еще двумя? Оригинально, – фыркнул Паровозников, но Лена уцепилась:

– Нет, постойте... это вполне себе версия. Женщина – ну, опять же теоретически, если брать во внимание состояние аффекта, могла убить итальянца. А кто-то теперь помогает ей замаскировать его убийство под серию.

– Тогда у тебя только одна подозреваемая – Веткина, – сразу понял ход ее мыслей Андрей. – И все сходится – она знала Паретти, проводила с ним время, он, кстати, вполне мог к ней приставать – почему нет? Она занимается ножевым

боем...

– И носит в сумке нож китайского спецназовца! – перебила Лена. – Ты фантазию-то поумерь все-таки. Хотя версия рабочая, надо вызвать ее еще раз и расспросить на эту тему.

– Нет, серьезно, Елена Денисовна, – снова встрял Крашенинников, – а ведь вполне могло так и быть – Веткина в припадке чего-то там убила Паретти, а кто-то решил помочь ей избавиться от тела и заодно направить нас в другую сторону – искать серийника.

– На трупе Паретти обнаружен телефон, а на двух других – ничего, – задумчиво протянула Лена. – В принципе, может, вы и правы... Там не было времени думать и зачищать следы, а два последующих убийства продумывались, потому следов минимум. Надо бы еще навестить эти клубы ножевого боя, посмотреть, что там и как.

– Ну, тебя же стажер Алексея Никитича приглашал, как я слышал, – фыркнул Паровозников, – вот, и прогулялась бы сама.

– А я и прогуляюсь, – согласно кивнула Крошина, – хотя бы просто присмотрюсь, с чем это едят, а потом уж в тот клуб, куда Веткина ходит, загляну.

– А вот Веткину лучше оставь мне.

– Почему?

– Не будем ее волновать лишний раз. Тебя-то она в лицо знает, знает, кто ты – к чему такие сложности? Да и наружка ее водит, если что – будем в курсе.

Спорить Лена не стала – Андрей был прав, и мозолить глаза Веткиной действительно не стоило, вдруг она замешана и может насторожиться. Будет лучше, если этим займется Паровозников.

Телефонный звонок раздался около пяти часов, когда Лена почти закончила оформлять бумаги для передачи в суд одного из своих дел.

Звонила Воронкова. Лена очень обрадовалась, услышав в трубке веселый голос подруги:

– Ленка, привет! Ты на работе?

– Привет! Конечно, где мне быть-то в это время? А ты поболтать или по делу?

– Я по делу. Скажи, я могу пожить у тебя неделю с завтрашнего дня? Выдался небольшой перерыв в съемках, хочу приехать, к Саше на могилу сходить.

Муж Юльки Саша погиб несколько лет назад, родители уехали куда-то в Индию, оставив Юльке квартиру, которую она теперь сдавала, потому остановиться в родном городе ей было негде – только у единственной подруги.

– О чем ты спрашиваешь? Конечно! Только... ты ведь в районе десяти утра прилетишь, я не смогу встретить...

– И не надо, – перебила Юлька, – я на такси доеду, ты мне только ключи оставь у соседки. Насколько я помню, она из дома почти не выходит.

– Хорошо, договорились.

– Вот завтра и наболтаемся, – заключила Воронкова весело.

Положив трубку, Лена тоже улыбнулась – хорошо, что приезжает Юлька, целую неделю можно будет не чувствовать себя одинокой в пустой квартире.

С утра, оставив ключи соседке, Лена попыталась завести машину, однако та не поддавалась ни уговорам, ни угрозам и осталась стоять на парковке.

Вздыхнув, Крошина направилась к трамвайной остановке. Трамвай подкатил только минут через десять, Лена еле втиснулась внутрь и оказалась плотно зажата между высоким пожилым мужчиной и парочкой студентов. Голову одного из них украшали блестящие наушники, и Лена, будучи плотно придавленной к молодому человеку, вынуждена была всю дорогу слушать доносившийся из них монотонный мужской голос, картаво начитывавший какой-то совершенно бредовый текст под музыку, больше напоминавшую скрежет железа по стеклу.

В буквальном смысле вывалившись из трамвая на своей остановке, Крошина долго трясла головой, словно хотела выбросить из нее бессмысленные фразы, как назло, застрявшие в мозгу, как елочные иголки в ковре.

«Ну, совсем хорошо – мне сейчас Шмелеву докладывать, а я ему вместо доклада вот эту чушь зачитаю ненароком», – раздраженно думала она, поднимаясь по ступенькам в зда-

ние.

В коридоре на нее налетела секретарша Шмелева Кристина:

– Елена Денисовна, вы не забыли, что Николай Иванович вас ждет в девять тридцать?

– Не забыла. Я только плащ сниму... – бросив беглый взгляд на большие настенные часы, пробормотала Лена – времени оставалось всего семь минут.

Шмелев встретил ее спиной. В буквальном смысле – стоял, отвернувшись к окну, и даже не пошевелился в ответ на приветствие.

Лена растерянно замерла прямо на пороге – никогда Николай Иванович не позволял себе подобного.

– Слушай, Елена Денисовна, а что это у тебя творится с этими обгоревшими трупами? – начал он, все так же не поворачиваясь.

– Работаю, – коротко ответила она, не понимая, как себя вести – то ли остаться стоять у двери, ожидая приглашения сесть к столу, то ли пройти и расположиться там самостоятельно.

– Работаешь, значит? И что – результаты есть? – Что-то в голосе Шмелева Лене не нравилось, какая-то незнакомая интонация, не предвещавшая ничего хорошего.

– Особых результатов пока нет, но разрабатываем ряд лиц, которые могут быть причастны...

– А что с личностями убитых?

– Первый – Николая Паретти, гражданин Италии, двух других устанавливаем.

– Паретти – это тот, что в гаражах нашли?

– Да. При нем обнаружился мобильный телефон, сильно обгоревшие водительские права, эксперт смог прочесть имя.

– Вот повезло-то гражданину Италии, что права при нем были! – с сарказмом отозвался зампрокурора. – А остальным бедолагам, выходит, не повезло совсем – раз они до сих пор не опознаны и не установлены? – Шмелев наконец развернулся, и Лена увидела, что его лицо покрыто красными пятнами.

– Николай Иванович, вы бы таблетку приняли... – осторожно попросила она. – У вас, похоже, давление поднимается...

Шмелев опустил в кресло и вдруг изо всех сил ударил ладонями по столешнице так, что Лена вздрогнула:

– Давление?! Давление, говоришь?! Да как тут ему не подняться, когда меня прокурор с утра чуть не четвертовал?! Ему аж из Москвы звонили, интересуются, а мне и сказать нечего, у меня старший следователь Крошина может личность убитого установить, только если при нем документы были! – рявкнул он, но полез в ящик стола за таблетками. – Воды дай.

Лена быстро налила в стакан воды из графина и протянула Шмелеву. Тот бросил в рот таблетку и шумно запил, едва не пролив часть на китель. Лена чувствовала себя проштра-

фившейся школьницей в кабинете директора – вроде как ничего особенного не натворила, но ругают в принципе по делу. Прошла неделя, результатов нет – Шмелев прав, она топчется на одном месте и не двигается никуда.

– Николай Иванович... – начала она, но тот махнул рукой.

– Ой, Ленка, перестань! Я же все понимаю – дел много, следователи загружены выше крыши, но ты и меня тоже пойми – начальство требует, а по этому делу сегодня звонили из городской управы. Сама ведь понимаешь – как только просачивается информация к журналистам, так начинается – почему бездействуете, когда раскроете-поймаете-накажете... А тут еще и иностранец, вот-вот в посольстве забеспокоятся. Ленка, ты же умная девка у меня, ну напрягись, а? Хочешь, я часть твоих дел другим перекину?

Лена отрицательно затрясла головой – передавать свои дела кому-то она не любила, как не любила и брать чьи-то, это, считай, нужно начинать все снова.

– Не надо, Николай Иванович, я справляюсь.

– Да? Ну тогда к вечеру жду отчет о подвижках в деле об обгоревших трупах. Все, свободна. – Шмелев откинулся на спинку кресла и снял галстук.

– Может, «Скорую», Николай Иванович? – осторожно спросила Крошина, но он только отмахнулся:

– Иди уже, работай, без тебя тут разберусь.

Лена вышла из кабинета и, плотно закрыв за собой дверь, громко прошептала секретарю:

– Кристина, ты бы почаще к шефу своему заходила, у него давление поднялось.

– Хорошо, Елена Денисовна, я прослежу, – невозмутимо отозвалась та, не отрывая взгляда от монитора.

– У него уже был инфаркт.

– Я все поняла, не волнуйтесь.

На столе в кабинете ее ждал отчет «наружки» по Веткиной. Лена даже обрадовалась – хоть что-то, пока Андрей не привезет материалы по отработке оружейных магазинов, а Левченко – по школам ножевого боя.

Она погрузилась в чтение и практически поминутно проследовала за Анной Веткиной от ее дома до работы, затем до торгового центра, где девушка купила спортивный костюм, туристические ботинки и рюкзак, потом снова вернулась на работу, где пробыла до семи часов вечера. После этого Веткина оказалась в ресторане «Ротонда» – довольно дорогое заведение со средиземноморской кухней, куда Анна пришла в качестве сопровождающей своего шефа. Деловой ужин с двумя партнерами и их дамами затянулся, и домой Веткина вернулась только в половине двенадцатого – на машине шефа, он же и проводил ее в подъезд. «Наружник» сменился сегодня утром еще до того, как Анна покинула квартиру, поэтому отчет обрывался на времени семь-тридцать.

– Значит, вчера она в клуб не ездила, – отложив бумаги, проговорила Лена. – А поеду-ка я с ее шефом пообщаюсь,

вдруг что-то интересное расскажет.

Фирма по продаже оргтехники «Орион-Д» располагалась в большом офисном центре неподалеку от здания мэрии. Судя по внешней отделке, месторасположению и крытой парковке для сотрудников, аренда офиса обходилась ее руководителю Антону Максимовичу Гаврилову в хорошую сумму.

«А Паровозников говорил, что фирма не крупная, – вспомнила Лена, поднимаясь в прозрачной кабине лифта на пятнадцатый этаж. – Какой же смысл арендовать такой недешевый офис? Сейчас уже не то время, когда принято было пускать пыль в глаза клиентам обстановкой и локацией своей конторы».

На случай, если в приемной будет находиться Анна, Лена заготовила версию проверки ее алиби на день убийства Паретти, но это не понадобилось. За столом сидела довольно пожилая женщина в строгом костюме и больших очках и с какой-то немислимой скоростью набирала текст, стуча пальцами по клавиатуре.

– Вы к Антону Максимовичу? Вам назначено? – не отрывая взгляда от монитора, на котором возникали строчки текста, спросила секретарь, и Лена предъявила ей удостоверение:

– Я старший следователь Крошина Елена Денисовна. Мне не назначено, но Антону Максимовичу придется меня принять.

– Разумеется, – без тени удивления отозвалась секретарь

и встала. – Секунду, я только доложу.

Она, тяжело передвигаясь, направилась к двери в кабинет Гаврилова, а Лена подумала, что хорошенькую Анну держат здесь явно не за деловые качества – монументальная женщина-секретарь, совершенно очевидно, не нуждалась в помощниках и со своими обязанностями справлялась сама. А вот варить кофе, сопровождать шефа на деловые ужины и, возможно, скрашивать ему досуг, конечно, не годилась.

– Проходите, Антон Максимович вас ожидает, – пригласила секретарь, распахивая перед Леной дверь и отходя чуть в сторону.

– И пусть Аня сварит нам кофе, – раздалось из глубины кабинета.

– Аня сегодня отдыхает, Антон Максимович.

– Да... совсем забыл. Тогда сварите сами, Надежда Климовна.

На лице Надежды Климовны отразилась вся скорбь, на которую та была способна – судя по всему, она считала обязанность варить и подавать кофе шефу и его посетителям унижающей ее достоинство.

Лена вошла в кабинет и остолбенела. Во всю стену справа от двери был установлен аквариум, в котором плавали неизвестные ей рыбы.

– Нравятся? – с гордостью отца, представляющего гостям сына-вундеркинда, спросил владелец кабинета.

– Не сочтите за грубость, но нет. Не вижу ничего краси-

вого.

– А зря. Вы на челюсти посмотрите.

Лена шагнула ближе – у рыбок были странные, чуть выдающиеся вперед челюсти, оснащенные клиновидными зубами.

– Это что же, пираньи? – удивилась она, никогда прежде не слышавшая о том, что этих хищных рыб содержат в аквариумах.

– Да! – подтвердил Гаврилов. – Эти считаются, кстати, самыми красивыми. Это краснобрюхие пираньи, они водятся в Амазонке. К тому же полагают, что они наиболее свирепые из всех. Знаете, как переводится слово «пиранья» с одного из южноамериканских диалектов? Зубастый демон.

– Впечатляюще... только... как-то странно в офисе держать... – пробормотала Лена.

– Это что-то вроде талисмана. И потом, согласитесь, всегда хорошо иметь перед глазами напоминание о том, что в этом мире, как в дикой природе – всегда найдется кто-то, пусть даже уступающий тебе в габаритах, кто может в любую секунду обглодать тебя до костей.

Лена пожала плечами:

– Как-то не думала об этом. Если позволите, я бы хотела вернуться к теме своего визита. Меня зовут Елена Денисовна Крошина, я старший следователь. – Она снова развернула удостоверение и показала Гаврилову. – Могу я задать вам несколько вопросов, касающихся вашего помощника рефе-

рента?

– Ани? – удивился Гаврилов, отодвигая для Лены стул. – А в чем дело?

– Она была знакома с человеком, чье убийство я сейчас расследую. Мне бы хотелось узнать об Анне побольше.

– А почему вы решили, что я настолько близко общаюсь с ней? – Гаврилов уселся в большое кресло, обтянутое темно-вишневой кожей, и развернулся так, чтобы хорошо видеть сидевшую за столом Лену.

– Антон Максимович, давайте избавим друг друга от ненужной траты времени. Вряд ли такой человек, как вы, будет брать с собой на деловые ужины девушку, о которой совершенно ничего не знает, правда?

Гаврилов вздернул правую бровь:

– Оперативно стала работать полиция. Ну, допустим. И что вы хотите знать об Ане?

– Все, что вы сочтете нужным рассказать. А я после задам вопросы, если они появятся, – так пойдет?

Гаврилов задумался на секунду, потер пальцем переносицу:

– Знаете, Елена Денисовна, мне кажется, что подозревать Аню...

– А я не сказала, что подозреваю ее. Я сказала, что она была знакома с убитым, мы отработываем круг его общения, и Анна Веткина в него входит, потому мне пригодится любая информация о ней. Скажите, она никогда не упоминала

некого Николая Паретти?

– Паретти? – нахмурился Гаврилов. – Погодите... это тот итальянец, что приехал в наш город, чтобы по заповеднику пошататься и о русской культуре узнать побольше?

– То есть Анна о нем упоминала?

– Конечно. Отпросилась на целый день, я тогда еще подумал – ну на кой черт итальянцу наша глушь, чтобы культуру изучать? Логичнее Москва, Санкт-Петербург.

– Анна не говорила, откуда его знает?

– На сайте каком-то познакомилась. А он оказался какой-то ненормальный, захотел приехать. Я думаю, что никакие театры и заповедники тут ни при чем. – Гаврилов достал из ящика стола пачку сигарет и вопросительно посмотрел на Лену.

– Закуривайте, мне дым не мешает.

– А вы?

– Спасибо, я не курю. Так как по-вашему, зачем Паретти на самом деле приехал?

– Мне кажется, он на Аньку запал. А что? Она вполне во вкусе горячих парней с юга – блондинка, маленькая, глупенькая.

– Глупенькая? И это не помешало вам взять ее на работу?

– Ой, перестаньте, Елена Денисовна, – чуть скривился Гаврилов. – Вы же понимаете, в чем заключается ее работа, там высокий уровень интеллекта не требуется, достаточно смазливое лицо и умения кофе сварить. Вот Надежда Кли-

мовна – работник, а Анька так, приятное украшение. Так что в байки этого итальянца о русской природе и культуре я лично не поверил. А кстати... почему мы обсуждаем Паретти? Это что же... его убили? – вдруг спросил Гаврилов, и лицо его чуть изменило выражение.

– Да.

– И Анька... погодите, но вы ведь сказали, что ее не подозреваете?

– Именно так. Но мне необходимо отработать всех, с кем Паретти встречался в нашем городе, а Анна провела с ним больше всего времени.

Гаврилов погасил сигарету, поерзал в кресле и решительно заявил, глядя на Лену в упор:

– Нет. Аня не могла быть причастна к убийству. Она не такой человек, понимаете?

– А каким должен быть человек, причастный к убийству, Антон Максимович? Я вот всякий раз удивляюсь, когда сталкиваюсь – почти про любого убийцу можно сказать «а ведь такой хороший с виду человек, тихий, спокойный, мухи не обидит». Теория Ломброзо не всегда работает, к сожалению, – сказала Лена, постукивая кончиком ручки по обложке ежедневника, в котором не сделала еще ни единой записи за сегодняшний день.

– Нет, вы не понимаете... Аня... она же сирота, у нее с двенадцати лет ни отца, ни матери. Она в детдоме воспитывалась. Только представьте – каково это, из нормальной

семьи, устроенного быта и благополучной жизни оказаться вдруг среди тех, кто отродясь своих родителей не видел? – По лицу Гаврилова пробежала тень, и Лене показалось, что он говорит искренне и сопереживает трудному детству Анны тоже не напоказ, а изнутри, из сердца. – Она там буквально выживала – можете ведь представить, как подростки жестоки и как накидываются всей стаей на того, кто уязвимее? А Аня была уязвима – из любимой дочери превратиться в никому не нужную сироту. Удивительно, как при таком раскладе она не озлобилась, не нахваталась всякого. У нее ведь даже привычек вредных нет, можете себе такое представить? Не курит, спиртное не больше бокала, занимается спортом.

– Каким?

– Ножевым боем, – тут же ответил Гаврилов. – Да, не очень женский спорт, согласен, но почему бы и нет?

– Она вам сама об этом рассказала?

– Я даже был с ней на тренировке пару раз.

– Скажите, Антон Максимович, ведь у вас более близкие отношения с Анной, нежели могли бы быть между руководителем и наемным работником? – спросила Лена, настроившись услышать бурное опровержение своих подозрений, однако Гаврилов отпираться не стал:

– Да, вы правы. Но что это меняет? Я не женат, Аня тоже свободна. Мы друг другу нравимся, почему не провести вместе какое-то время, если обоим все устраивает? Она знает, что замуж я ее не позову – и не потому, что меня ее про-

исхождение не устраивает, а потому, что вообще не собираюсь жениться. Я ей так об этом и сказал сразу.

– А она?

– А она рассмеялась и сказала, что замужество – это последнее, о чем она думает.

«Ну, сказать-то она могла что угодно, даже то, что ты особенно хотел бы услышать, чтобы с крючка не сорвался, – подумала Крошина, делая пометку в ежедневнике. – Если я что-то в этом понимаю, то практически любая девушка стремится создать семью – особенно та, что была ее лишена».

– А в поведении Анны в последнее время ничего не изменилось?

– Нет, – твердо сказал Гаврилов – как показалось Лене, слегка поспешно. – Аня ведет себя как обычно, – лицо его при этом сделалось вдруг замкнутым, и Лена поняла, что продолжать разговор не имеет смысла.

Она попрощалась и вышла из кабинета, подумав, что нужно прислать сюда Паровозникова – пусть разговорит пожилую секретаршу, которая ей, Лене, наверняка ничего не скажет – такие основательные дамы охотнее общаются с мужчинами, не считая женщин профессионалами.

«Очень интересный персонаж, – думала Лена о Гаврилове, сидя в трамвае. – Такое впечатление, что он влюблен в эту Анну, потому что не будет работодателем с такой теплотой и участием рассказывать историю жизни девушки, кото-

рая ему кофе варит, даже если иногда с ней спит. Он ее даже знать-то не будет, если ему все равно и интересует только вкус и температура приносимого напитка. А Гаврилов, похоже, знает о Веткиной куда больше».

Она не могла до конца понять, какое впечатление оставил у нее разговор с Гавриловым. Вроде бы человек ничего не скрыл, ответил на все заданные вопросы, рассказал даже чуть больше... но у Лены осталось ощущение недосказанности, какой-то легкой недоговоренности, словно бы Гаврилов за потоком слов и фраз умудрился спрятать что-то важное.

Смущало еще и то, что Анна Веткина не скрывала своих занятий ножевым боем. Это вроде как даже делало подозрения в ее адрес не такими убедительными – зачем ей давать такой козырь в руки следствия? Можно было промолчать, пусть бы следователь копалась и искала ниточки сама. Наивной дуручкой Веткина не выглядела, глупой – тоже. Вариант с тем, что кто-то подсказал ей такую линию поведения, Лена отмела после разговора с Гавриловым – похоже, что авторитетов у Анны никаких не существовало, и свою точку зрения она отстаивала.

В сумке завибрировал телефон, и Лена вспомнила, что убрала звук и забыла об этом. Как назло, мобильник оказался на самом дне, под ежедневником, упаковкой салфеток, косметичкой, кошельком и еще целой горой всякого дамского добра, что практически любая женщина таскает в сумке.

Звонил Андрей:

– Значится так, начальница, записывай. – Голос его в трубке звучал сухо, даже без намека на шутку, и Лена послушно вынула ежедневник и ручку. – То, что прежде было телом, обнаруженным на свалке, принадлежало некоему Терентьеву Алексею Петровичу, одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения, бывшему метателю молота, чемпиону страны и даже участнику чемпионатов мира. После ухода из большого спорта господин Терентьев слегка загрустил, а потому запил и угодил в места заключения по обвинению в изнасиловании. Как ты понимаешь, в деле фигурировали материалы, при помощи которых труп и идентифицирован. Господин Терентьев аккурат как год освободился из колонии, нигде соответственно не работал, а шатался с такими же бывшими людьми по свалкам и прочим злачным местам. Записала? – Лена кивнула, словно Андрей мог это видеть. – Ну и славно. Ты подумай, куда это пристегнуть, а я дальше побежал, мне тут из миграционки звонили, похоже, второе тело у нас тоже не безымянное.

Андрей сбросил звонок, а Лена, задумчиво глядя на листок, испещренный неразборчивыми строчками, стала прикидывать, как могут быть связаны между собой Николая Паретти и некто Терентьев Алексей Петрович, бывший спортсмен, а ныне отбывший тюремный срок бомж.

«Интересно, а что Паровозников по этому поводу думает?» – этот вопрос возник внезапно, и Лена решила узнать мнение оперативника сразу, а потому снова достала теле-

фон.

Андрей ответил недовольным тоном:

– Да, я слушаю.

– Ты занят, что ли?

– «Что ли»! – передразнил он почти зло. – Я, между прочим, не только по твоему делу работаю и сейчас на месте происшествия.

– Ты же сказал, что в миграционную службу поедешь.

– Поеду, но потом. А сейчас я на квартире, у нас очередное нападение на бизнесмена. Если у тебя не срочно, то я кладу трубку.

– У меня не срочно. – Лена вдруг почувствовала, что обиделась на Андрея за этот тон и за то, что не стал обсуждать с ней ее дело.

– Тогда до вечера, я забегу с отчетом.

– Ты меня извини, Ленка, – Паровозников сидел за столом, обхватив руками кружку с кофе, – я совсем зашиваюсь, этих бизнесменов мелких трясут, как груши, – совсем как в девяностых. Мы с ног сбились, а следов никаких, все нападения как под копирку – звонок в дверь, удар в лицо, на голову пакет – и пошло-поехало. Вымогают деньги, суммы каждый раз разные – соответственно тому, какой бизнес у потерпевшего. С владельца мастерской по ремонту обуви – одно, с хозяина супермаркета – другое. И никто не может ни примет нападавших вменяемо назвать, ничего описать не могут.

Только говорят, что приходят, похоже, двое, один здоровенный, второй поменьше, это все. И как я должен этих Тарапуньку и Штепселя найти без примет совсем? Хватать по городу парочки «длинный-короткий»?

– Да я все понимаю... просто... ты как-то совсем уж похамски меня отшил.

– Ой, да ладно тебе... ты меня отшила похлеще – ничего же, выжил, даже вот сижу тут. – Андрей сделал глоток и поморщился.

Лицо Лены вспыхнуло, она наклонила голову и пробормотала:

– Андрей... ну, мы ведь договорились... если ты не можешь со мной работать, то не надо, буду просить других оперов...

– Если хочешь сама – проси других. Я не отказывался с тобой работать. Просто ты должна понять, что я не могу все бросать и по первому твоему звонку заниматься исключительно твоими делами. Другие следаки тоже дергают и хотят быстрее со своим разбираться.

– Да, ты прав... извини.

– Ты не извиняйся, я же просто ситуацию обрисовал, чтобы ты понимала, почему я иной раз рычу. Лично к тебе это отношения не имеет, я и на других следаков точно так же срываюсь, если достанут. Давай лучше отчет мой посмотри.

Он придвинул ей пару листков, и Лена, вздохнув, взяла справку из миграционной службы. ДНК обгоревшего трупа,

найденного в баке за торговым центром, совпадала с такой гражданина Таджикистана Рашида Хусейнова, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения. Как следовало из справки, Хусейнов приехал в их город год назад, работал дворником в управляющей компании Центрального района.

– Н-да... – отодвинув листки, пробормотала Лена. – Вообще ничего общего с двумя другими. И если к бомжу-спортсмену мы еще как-то дворника можем притянуть, хотя не хочется вляпываться в какое-нибудь нацистское дерьмо, но вот к благополучному преподавателю Миланского университета – вряд ли. Европейец, благополучный, обеспеченный... Я вообще не знаю, куда мне теперь двигаться.

– Куда-то все равно придется, – заметил Андрей, потягивая остывший кофе. – Но, если честно, я пока тоже никакой связи не вижу. Единственное, что у них общего, это способ убийства – ножевые раны и последующая попытка кремации. Да, кстати... – вдруг оживился он и полез в карман за блокнотом. – Помнишь, стажер этот, Миша... он про угон машины говорил? Что лучше для вывоза тела угнать машину и потом ее тоже сжечь?

– Ну...

– Так Сашка Левченко перетер с кем-то в ГИБДД, и ему повезло – примерно в те сроки, что обнаружены наши погоревшие, у них есть три машины в угоне, и две из них уже нашли – и, прикинь, сгоревшими, – возбужденно говорил Ан-

дрей, перелистывая странички. – А, вот, читай. – Он протянул блокнот Лене. – Машины, как видишь, не супер, на то, видимо, и был расчет – мол, не кинутся их искать с большим рвением.

– Ну, только дурак угоняет «Мерседес», чтобы в нем труп везти, – заметила Лена. – И что? Машины-то осмотрели?

– С Петькой ездили. Николаев с одной даже отпечатки снял – руль каким-то чудом не обгорел, да и сама тачка не выгорела, кто-то из жильцов дома увидел и пожарных вызвал. Ты просто представь, какие идиоты – они на пустырь у кладбища тачку пригнали, а там же три жилых дома, девятиэтажки.

– Мне начинает казаться, что мы имеем дело с каким-то умалишенным, – пожаловалась Крошина, вставая из-за стола и открывая форточку. – Никакой логики вообще ни в чем, так ведь не бывает. Для случайных убийств слишком много совпадений, а для серии – слишком мало. Такие глупые проколы вроде попытки поджога машины у жилых домов... и профессиональные удары ножом. Мне кажется, я сама уже вот-вот тронусь...

Андрей бросил взгляд на часы и подскочил:

– Ох ты ж... опаздываю, заболтался тут с тобой! Чашку завтра вымою, хорошо? – Он сунул пустую чашку за штору и быстро выбежал из кабинета, Лена даже не успела спросить, куда он направляется.

– А мне теперь сиди тут и думай, куда и каким образом

привязать эти горелые тачки, – пробормотала она. – Что-то напасть просто – трупы горелые, машины тоже... Поджигатель какой-то, пироман...

Воронкова заехала за Леной к семи – Крошина ждала ее на крыльце прокуратуры. Юлька, как всегда эффектная и очень похорошевшая за то время, что они не виделись, с ходу кинулась к подруге в объятия:

– Боже мой, Ленка! Как же я соскучилась!

– Чего ж не ехала так долго? – смеялась Лена, отбиваясь от ее поцелуев.

– Ну, ты ведь знаешь, что я была на натуральных съемках, три месяца на Алтае, представляешь? Вот где красотища... – Юлька мечтательно закатила глаза. – А у тебя все по-старому, как я поняла?

– Успела квартиру исследовать? – Лена убрала в сумку сползший с шеи шелковый шарфик.

– Что там исследовать? – фыркнула Юлька. – И так было понятно – ты не отказала мне в возможности провести у тебя эту неделю, так что мужчина явно не появился. А если и появился, то живет не с тобой. Ну и в квартире, тут ты права, никаких следов пребывания живого существа мужского пола. Не надо быть детективом. Я, кстати, ужин приготовила, так что нам бы поторопиться – мясо в духовке, не пересушилось бы.

– Вот ты неугомонная. – Лена покачала головой и взяла подругу под руку. – Можем такси вызвать.

– Ой, да тут ведь рядом совсем, если через сквер срезать. Заодно и прогуляемся.

– Не надышалась – на Алтае-то?

– Да какое... Работа же. Снимали днем и ночью, я к концу уже вообще спать не могла – только ляжешь, будильник трезвонит...

– Но выглядишь ты отлично, прямо на зависть.

– Работа обязывает, – хохотнула Юлька.

Они свернули в большой сквер, за которым располагался спальный район, где Лена снимала квартиру, и пошли по аллейке. В этом сквере они провели много счастливых часов, когда учились в старших классах – встречались небольшой компанией, гуляли, слушали песни, которые исполнял, сопровождая себя под гитару, учившийся на класс старше Славка Лиходеев, в которого они обе были тайно влюблены. Сейчас сквер, конечно, сильно изменился, деревья были аккуратно подрезаны, кроны их сформированы так, чтобы ветви не свисали слишком низко над дорожками, сами дорожки замощены брусчаткой, кругом скамейки, клумбы, на которых все еще цвели последние осенние цветы.

– Я уже забыла, как здесь хорошо, – задумчиво произнесла Юлька, подкидывая ногой ярко-желтый лист, опустившийся с дерева прямо ей на ботинок.

– Да? А я не замечаю, – откликнулась Лена. – Как-то не до того... На работу ухожу затемно, возвращаюсь примерно так же...

– Тебе надо на что-то отвлекаться хоть иногда. Кстати, я на досуге как-то Паровозникову звонила, так вот он сказал, что вы... – Но Лена перебила:

– Ну что «мы»? Пару раз поужинали? Юля, ничего больше не будет. Ну не могу я вот так – без любви, просто чтобы кто-то был...

– А я не могу понять, что в Андрее не так для тебя? – Воронкова перебросила сумку с одного плеча на другое и продолжила: – Ну вот скажи – чего ему не хватает до твоей планки с надписью «мужчина моей мечты», а? Он красивый, надежный, умный. Самостоятельный – что немаловажно. Он тебя любит до сих пор – что вообще, по-моему, странно.

– Что же – меня, по-твоему, любить нельзя? – чуть обиделась Лена.

– Тебя-то? Можно. Только ты этого не оценишь. Тебе же надо, чтобы об тебя ноги вытирали, пренебрегали тобой – вот тогда ты ринешься к такому персонажу и начнешь его обхаживать.

– А если мне по-другому неинтересно, а?

Юлька только головой покачала и махнула рукой, давая понять, что тема себя исчерпала.

Несколько минут они шли молча, ровно до тех пор, пока буквально не врезались в группу людей, собиравших какую-то аппаратуру в большие кофры и оживленно переговаривавшихся между собой. Чуть поодаль на раскладном стуле сидела девушка с диковинной прической, завернутая в боль-

шой клетчатый плед, и пила кофе из пластикового стакана, а рядом с ней закрывала чемодан с косметикой невысокая полная женщина. У Лены при виде этого антуража почему-то заколотилось сердце – она поняла, что здесь только что закончилась фотосъемка.

И тут она увидела его. Никаких сомнений не оставалось – это мог быть только он. Никита. Это его резкий голос с недовольными интонациями, его куртка, его кофр... Это не мог быть никто другой...

Лена застыла как вкопанная – Кольцов, обернувшись, тоже ее увидел и теперь шел навстречу. Юлька сперва даже не поняла, что происходит, но, когда увидела приближающегося Никиту, зашипела, как рассерженная кошка, и почти отпрыгнула в сторону, зашла за неработающий цветочный ларек, оставив Лену совершенно без поддержки. Но Крошина этого даже не заметила, словно все ее поле зрения сузилось до размеров, вмещавших только высокую, чуть сутуловатую фигуру Кольцова в его обычных мешковатых штанах, туристических ботинках и распахнутой куртке, под которой виднелся полосатый свитер.

– Лена? – чуть удивленно произнес он, останавливаясь напротив. – Давно тебя не видел. Как ты?

– Я... хорошо, – выдавила она, не в силах отвести взгляда от его лица, такого родного и, казалось, почти уже забытого. – А ты... как здесь? Я слышала, что ты уехал...

– Вернулся. Москва – не мое, – чуть брезгливо скривился

Кольцов. – Много людей, много пафоса, много суеты... Ты все еще работаешь в прокуратуре?

– Да... – Она, казалось, не замечает совершенно очевидных глупостей, о которых он спрашивает – распахнутое пальто открывало форменный костюм, не увидеть этого было совершенно невозможно.

– Я почему-то так и подумал. Ты ведь очень постоянная в своих привычках.

– Ленка, мы опаздываем! – не выдержала Воронкова, слышавшая этот диалог и возмущенная Лениным поведением до глубины души.

– Добрый вечер, Юлия, – церемонно поклонился Кольцов. – Вы, смотрю, посетили родные пенаты? Сниззошли, так сказать?

Юлька проигнорировала этот выпад, сухо кивнула и, подойдя ближе, взяла Лену под руку:

– Идем, нам пора. Всего доброго, господин Кольцов.

– К чему эти формальности? Кстати, я бы был не против с вами поработать.

– А я была бы против! – отрезала Юлька. – Я работаю только с теми фотографами, которых приглашает киностудия.

С этими словами она развернула Крошину и потащила за собой буквально волоком. Лена даже не сопротивлялась и только в следующей аллее, шедшей параллельно основной, вдруг очнулась, вырвала руку и остановилась:

– Ты что?! Ты зачем с ним так разговаривала?!

– Хочешь, я тебе по лицу врежу сейчас? – абсолютно спокойно поинтересовалась Воронкова.

– В смысле?

– В коромысле! Чтобы ты в себя пришла, идиотка! Опять начинается?! Смотрит на него, как кролик на удава, а он же ничтожество! Ничтожество, хам и самовлюбленный павлин! Нарцисс! Ему же никто, кроме него самого, не нужен и не интересен, Ленка, очнись уже! Как мы вообще на него наткнулись, не понимаю?! – распаляясь все больше, почти кричала уже Юлька. – Ты бы себя видела, дурища! На тебя же больно смотреть – как лужа растеклась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.